

1. Военные годы. Бои на передовой (1941-1945)
2. ФИЗТЕХ (1950-1955)
3. Наш Ломоносов
 - 3.1 Предвоенные годы (1938-1941)
 - 3.2 Послевоенные годы (1945-1950)
 - 3.3 Деятельность на УЭК (1955-1993)
- 4 Заключение

Примечание.

При необходимости сокращения текста открыженные абзацы разделов 3.2. и 3.3. можно исключить

Николай Трофимович Останин

(1923-2015)

Из воспоминаний личных и сокурсников по ФТФ.

В первый учебный день 1950/51 учебного года в академической группе Ф204 второго курса физико-технического факультета Уральского политехнического института появился новый студент, на вид постарше остальных, невысокий светловолосый крепыш в военном, ладно сидевшем кителе, со строевой выправкой и широкой белозубой улыбкой. Звали его Николай Останин.

Однокашники скоро полюбили новичка, участника Великой Отечественной войны, за его прямой, открытый характер, деловитость, сдержанность и вескую немногословность, скрывавшую под собой большой жизненный опыт.

Конечно, учиться на таком факультете, как физтех, ему, фронтовику, у которого военные и послевоенное лихолетье вычеркнуло восемь лет молодости, было гораздо труднее, чем одногруппникам, пришедшим прямо со школьной скамьи. А ведь нужно было еще досдавать предметы сложной учебной программы за первый курс. И всё это – при том, что Николай, имевший диплом техника-механика, чтобы поддержать родную семью (мать и еще трое малолетних детей в таежной деревне) и поступившего в свердловский техникум брата, вынужден был весь семестр второго курса ежедневно подрабатывать конструктором на радиозаводе.

Из воспоминаний Николая Трофимовича Останина:

«...Мне, конечно, было очень трудно, не было совершенно свободного времени, и я сильно уставал. В зимние каникулы решил поработать на заводе полную смен. После каникул переключился на разгрузку дров из вагона.

Брат Володя, видя, как мне трудно приходится и как я преодолеваю все трудности, назвал меня скрипучим богатырем.

Я попал в очень сильную группу. Чувствовал, что по многим предметам от своих товарищей по учебе я сильно отстал».

Николаю приходилось брать упорством, методичностью. Жесточайшей самодисциплиной, а это означало вечный «цейтнот» и ночи над учебниками и конспектами. По воскресеньям он первым приходил в чертежный зал и последним покидал его, подгоняемый ночными сторожами. Помогали и природные способности.

Из воспоминаний:

«... На занятиях по английскому языку преподаватель вызывал меня к доске.

Попросил что-то написать. Я ответил, что язык никогда не изучал. Преподаватель мне стал давать отдельные задания, начиная с букв. Достаточно сказать, что весной на экзамене я получил «четверку».

Так, в учебе и работе, прошел весь второй курс.

На третьем курсе группы сформировали по специальностям. При этом группу физиков подбирали, в основном, из отличников учебы. По результатам учебы на втором курсе я не был «круглым» отличником, но меня определили в группу физиков. С этого момента и до окончания института я был старостой».

Забот у Останина прибавилось: контроль за успеваемостью и посещаемостью, «разруливание» разного рода проблем, особенно во время летних и преддипломной практик.

В партбюро факультета он вел жилищный сектор. Но и каждое лето, в свободное от практик и недели, он выкраивал время, чтобы выбраться на родину: помочь матери по хозяйству и вместе с нею и старшими сестрами поработать в колхозе на заготовке сена.

Один за другим «... шли годы учебы и работы».

В ноябре 1953г Николай познакомился со студенткой Института иностранных языков Галей Сусловой. В ноябре 1954г они поженились. До

конца его дней Галина Георгиевна стала его спутницей жизни и верной подругой.

Из воспоминаний:

«... В сентябре 1954г нашу группу для прохождения преддипломной практики и последующего дипломирования командировали в г. Свердловск 44 (так в то время назывался г. Новоуральск), на Средне-Уральский машиностроительный завод (теперешний Уральский электрохимический комбинат – УЭХК).

Я защитил дипломный проект 30 мая 1955 года с оценкой «отлично», и мне была присвоена квалификация инженера-физика по специальности техническая физика».

После защиты инженерного диплома вся дальнейшая трудовая деятельность Николая Трофимовича протекала на УЭХК.

Вместе с ним на УЭХК осталась работать половина его одногруппников по физтеху, ставшая теперь сослуживцами, товарищами по трудовому коллективу УЭХК.

Будучи по природе поразительно скромным и немногословным, Николай Трофимович никогда не говорил о себе и не посвящал окружающих, в том числе товарищей по группе, в свои жизненные проблемы, не вспоминая о своем военном прошлом, не сетовал на фронтовые раны, лишь чуть прихрамывал. И лишь со временем, работая с ним бок-о-бок, сослуживцы постепенно узнавали о том, как он пришел в атомную физику и что такое для него были война и послевоенные годы.

Он родился 19.12.1923 г. в маленькой таежной деревне Порошево на севере Пермской области. Районный центр, пос. Коса, находился на расстоянии 30 километров, областной центр – в 250 км по прямой, ближайшая ж.д. станция Менделеево – в 240 км, из которых лишь ближняя к станции половина была кое-как проходима для грузовиков, а остальной участок – таежно-болотный проселок (летом – телега, а зимой – полное бездорожье). Летом этот извилистый отрезок можно было сократить, примерно, до 80 км, передвигаясь пешком по таежным тропам и на лодке по

речкам, что часто и делал Николай, каждое лето, на каникулах навещая родных.

- С волками приходилось встречаться? – спросили как-то раз у него.

- И не однажды! – коротко ответил он со своей всегдашней добродушной улыбкой.

В первый раз Николай самостоятельно предпринял это путешествие и, по его словам, впервые в жизни увидел поезд в 1938 году, когда окончил семилетку: « - На нем и уехал!».

Он задумал поступить в Свердловский машиностроительный техникум. Долго прождав ответа на свое заявление, решил ехать без вызова.

Из воспоминаний:

«... Родители мне доверяли. Несмотря на то, что мне было еще только 14 лет, меня одного отпустили в большой незнакомый город».

Преодолев 80 км тайги, подросток добрался до ст. Менделеево и уехал в Свердловск.

Неудивительно, что в техникуме Коля застал уже конец вступительных экзаменов.

«... Мне сказали, что, если я за оставшиеся два дня сдам все экзамены, то меня примут в техникум. Экзамены надо было сдавать по русскому языку, математике устно и письменно, физике и Сталинской конституции. Я все экзамены сдал, при этом не получил ни одной тройки».

Николая Останина приняли в техникум. Впоследствии друзья на УЭЖК, все это узнав, в шутку называли его «нашим Ломоносовым». И, как в дальнейшем выяснилось, не зря.

Представим слово Николаю Трофимовичу.

Из воспоминаний:

«... В мае 1941 года я успешно закончил 3-й курс Свердловского машиностроительного техникума и перешел на 4-й курс.

22 июня был выходной день. Когда мы с друзьями возвращались со стадиона и подходили к общежитию, мы услышали голос диктора; «Враг будет разбит, победа будет за нами!».

Так началась Великая Отечественная война. Мне в это время было 17 лет.

Мой отец добровольцем ушел на войну, а я решил подать заявление в военное училище и был принят в авиатехническое.

Когда прибыли в Пермь, набор курсантов в училище был уже закончен. Тогда нас решили отправить в минометное училище в г. Сретенск Читинской обл., но, по приказу командования, наш эшелон был направлен к монголо-маньчжурской границе.

Ожидали нападения Японии. Началась усиленная подготовка к боевым действиям. Такая выучка очень пригодилась в дальнейшем.

Мысль о продолжении учебы не покидала меня, и я решил взять с собой хотя бы учебник по математике. Улучив минуты, я пытался заняться математикой. Особенно, когда меня назначали дневальным по роте.

В дальнейшем, уже во фронтовой обстановке, в перерывах между боями, я изучал математику.

Стало известно, что Япония в ближайшее время нападать на Советский Союз не будет. Тогда, в августе 1942 года, наше учебное формирование отправили в Москву. Недалеко от Москвы, в г. Сталиногорске, формировалась отдельная 138-я морская бригада из моряков Тихоокеанского флота. Нас передали в эту бригаду. Меня определили в минометную роту наводчиком 82х-миллиметрового миномета, и снова началась подготовка. В ноябре 1942г мне присвоили звание сержанта и назначили командиром минометного расчета. В расчете, вместе с командиром, 6 человек.

Нашу бригаду через Ладожское озеро, по «дороге жизни», переплавили в блокированный Ленинград.

Мы охраняли побережье Ладожского озера. В январе 1943 г началось наступление, и нашу бригаду перебросили в район Синявина.

Нам дали ночь отдохнуть, чтобы на рассвете вступить в первый в жизни бой. В эту ночь я почти не спал, в голову приходили разные мысли. Кроме того, я еще чувствовал ответственность за судьбу расчета, который мне доверили. Скорей всего, мои тревоги были – справлюсь ли?

При подходе к линии фронта мы уже видели труп наших солдат, они в мороз на снегу лежали, как живые.

И вот наша бригада пошла на штурм Синявинских высот – стратегически важного пункта.

На подступах к высоте простиралось обширное болото без всякой растительности.

Немцам наши войска были видны, как на ладони. Штабеля торфа все горели от разрывов снарядов. Всё [было] объято пламенем, и на этом фоне, куда ни взглянешь, бежали солдаты в сторону высоты, стреляли, разрывались команды. Последовала команда и нашего командира роты, и мы слились с этой массой бегущих солдат. Чувство тревоги исчезло.

Появились первые убитые и раненые.

Осколком приклад моей винтовки расщепило на две части. Я увидел убитого солдата, рядом с ним лежал автомат. Я взял этот автомат и с этого момента с ним не расставался.

Мы шли по колено в снегу под непрерывным обстрелом. Свистели пули, рвались мины и снаряды, а надо бежать вперед.

Но настоящий ад был впереди, когда недалеко от высоты, на небольшом озере, мы установили минометы и дали первый залп по немцам. Окопаться не было времени, поэтому командир роты приказал установить минометы прямо на льду, у навесного берега. Но, по-видимому, это было ошибкой. Немцы открыли ураганный огонь по нашим позициям.

Появились немецкие бомбардировщики и стали бомбить, досталось и нашей роте. Бомбы летели с воем, проламывая лед. Грязь, вода – всё выбрасывалось вверх. Мины рвались с грохотом. Со стороны озера у нас никакой защиты, а мы продолжали вести огонь.

Мне и второму номеру было приказано вести огонь, по два человека оставались и у остальных минометов, все остальные ползком подносили к минометам мины.

Наши солдаты-моряки проявляли настоящий героизм. Несмотря на это, с первого штурма взять высоту не удалось, слишком неравны были наши позиции.

Далее целую неделю мы удерживали занятые позиции и выдерживали обрушившийся на нас шквал огня.

В этих боях наша 138-я бригада, в том числе и минометная рота, понесли большие потери.

Тяжело ранены командир роты и его заместитель по политической части. Был ранен и я в голову и левую руку, но раны были легкими, и я остался в строю.

Особенно мне запомнился случай: мы из миномета вели огонь вдвоем, рядом разорвалась немецкая мина. Осколком поразило моего товарища в живот. Рана была очень большой. Кровь, как бы пульсируя, выбрасывалась из тела. Я перевязал рану двумя перевязочными пакетами, но кровь продолжала сочиться. Позвал санитаря, но санитаря поблизости не было. В это время до меня донесся голос командира взвода, который приказывал вести огонь, и только слышу голос товарища: «помоги, помоги...», а затем он называл имена, по-видимому, своих родных. Шепот прекратился. Я понял, что товарищ мой мертв.

Так прошло первое боевое крещение нашей бригады, в том числе и мое.

Через неделю нас отвели за несколько километров от передовой, на пополнение. После пополнения наша бригада снова вступила в бой, но на другом участке того же Ленинградского фронта.

Блокада Ленинграда была прорвана, [хотя, пока] и не ликвидирована.

...Каждую линию обороны немцев, каждый населенный пункт брали в результате ожесточенных боев. Но, как бы трудно ни было, мы твердо

верили в окончательную нашу победу над немецко-фашистскими захватчиками.

27 апреля 1943 года из трех морских бригад, участвовавших в прорыве блокады, была сформирована 124-я стрелковая дивизия.

Уже [в ее] составе мне пришлось участвовать в наступлении в районе Синявинских болот.

В летних боях [1943г] мы всегда находились в заболоченной местности. Нужно отметить, что немцы, если их выбивали с одного возвышенного места, отступали до другого. Наши войска преимущественно наступали по болоту. [Иногда] на расстоянии нескольких километров каждый солдат, кроме своего оружия, нес с собой связку прутьев, так называемую «фашину». Из фашин выстилали тропу. Траншеи создавали тоже из фашин. Так, промоклие, работая всю ночь, а днем – в наступление.

В течение почти года (время, которое я был в боях), мы ни разу не были в помещении..

В конце августа 1943 г. Наша дивизия перешла к активной обороне. Полки дивизии в октябре месяце проводили частые наступательные операции.

В начале октября меня приняли в кандидаты ВКП(б).

При очередном наступлении 15 октября 1943 года я был тяжело ранен – сквозное пулевое ранение обоих коленных суставов и правого бедра с переломом кости – очередью в упор из немецкого окопа. По ногам словно ударили тяжелой палкой. Я упал, а встать не могу.

В полевом госпитале мне сделали операцию на левом коленном суставе, наложили на обе ноги шины и отправили в эвакогоспиталь, [затем] поездом в Ленинград, в госпиталь.

Состояние мое было прескверное, я потерял много крови.

Наложили мне гипс на обе ноги по грудь так, что я мог поворачивать только голову.

Пролежал в гипсе на спине неподвижно три месяца. Это были адские муки, особенно в первый месяц, когда не мог ни спать, ни есть.

Через три месяца гипс сняли, оказалось, ноги в коленях не сгибаются. Начались новые мученья. Каждый день приходила медсестра и разрабатывала их до тех пор, пока я не покрывался потом. Так продолжалось более месяца, а затем мне разрешили вставать и учиться ходить с помощью костылей.

Судьба распорядилась так, то я был ранен 15 октября 1943 года в районе станции Мга, а при освобождении этой станции 25 января 1944 года был ранен мой отец, Останин Трофим Егорович.

27 января 1944 г. По радио сообщили радостную весть: «Блокада Ленинграда полностью снята!». Было всеобщее ликование.

В марте месяце, когда я уже мог ходить, опираясь на палочку, навестил отца. У лечащего врача узнал, где находится госпиталь.

С отцом мы не виделись три с половиной года, с того момента, когда он ушел на фронт. Три с половиной тяжелых военных года, когда каждый из нас мог погибнуть; и все-таки, мы встретились. Мы – мужчины, но слез не возможно было удержать. Медсестра, которая при этом присутствовал, тоже вытирала слезы.

Нам многое нужно было рассказать друг другу. Любовь, благодарность, - все слилось в наших слезах и наших сердцах.

Мы крепко обнялись, и не хотели выпускать из своих объятий мне – отца, а отцу – сына.

Я проходил лечение в госпитале до 24 марта 1944 года, затем меня отправили в батальон выздоравливающих, комиссовали, признали инвалидом II группы, и я поехал на родину к матери и своим младшим сестрам и братьям.

За боевые действия я награжден орденами: «Отечественной войны» - первой степени, «Славы» - третьей степени, медалями: «За победу над

Германией», «За оборону Ленинграда», «Георгия Жукова» и всеми юбилейными медалями.

В июне 1944 года я приехал домой, в деревню Порошево. Дома жили впроголодь. На иждивенцев-детей выделяли по 200г хлеба и ничего больше. Маме за работу в колхозе давали вместо хлеба немного зерна, муку смешивала с травой и пекла лепешки.

Хорошо, что мама еще держала корову.

Я обратился в правление колхоза, чтобы мне поручили какую-нибудь работу. Я тогда еще передвигался, опираясь на трость. Правая нога в коленном суставе почти не сгибалась, а левая сгибалась очень немного. Правая нога стала короче левой на 3 см.

Я согласился косить траву. Рано утром вышли на работу 15 женщин и я. День выдался жарким. В жаркое время обедали и отдыхали по два часа, а после обеда работали до 23-х часов. Я до обеда выдержал, а дальше выбился из сил и упал. Это послужило сигналом для перерыва на обед. После перерыва снова пошел косить.

С этого времени каждый день выходил на работу. Я стал получать хлеба 500 грамм из колхоза и 500 грамм как инвалид войны, жить стало немного легче.

В августе 1944 года меня приняли на должность заведующего учетом налогов по району. Работы было так много, что раньше одиннадцати часов вечера мы домой никогда не уходили. Но такая работа лучше не оплачивалась. Каждый месяц давали немного отрубей, а мама пекла уже не травяные лепешки, а лепешки с отрубями.

Рано утром 9 мая 1945 года по радио объявили, что войска гитлеровской германии безоговорочно капитулировали, война закончена. В районном центре селе «Коса» все жители вышли на улицу, кто радовался, кто плакал.

Окончилась война. Я продолжал работать в Косинском районе.

В сентябре 1945 года я восстановился в Свердловском машиностроительном техникуме, где закончил до войны три курса. Меня с удовольствием зачислили на четвертый курс.

Все бы хорошо, но я оказался без средств существования. Мне сразу пришлось подрабатывать. Я чистил от снега тротуары, сбрасывал с крыш снег, работал грузчиком. За работу рассчитывались талонами на обед, иногда давали папиросы, которые надо было реализовать на рынке. Одежда моя за зиму полностью износилась. Как-то я еще успевал неплохо учиться.

В мае месяце 1946 года вернулся домой наш отец, весь израненный и больной.

В июле 1946 года я защитил диплом с оценкой «отлично» - мне присвоили квалификацию техник-механик по холодной обработке металлов резанием.

Руководитель дипломного проекта порекомендовал мне устроиться на работу на Свердловский радиозавод. Сказал, что у этого завода большое будущее.

Главный инженер [радиозавода] попросил меня показать диплом об окончании техникума. [Там] по 75% дисциплин [были] отличные оценки, а по остальным - хорошие. Я [был] принят на работу на должность инженера-конструктора.

25 сентября 1946 года я приступил к работе на радиозаводе. В это же время я подал заявление на вечернее отделение механического факультета Уральского политехнического института (УПИ), которое находилось на Уралмаше. Меня приняли без экзаменов. Начались для меня очень напряженные дни - совершал [с ВИЗа] «кругосветное» путешествие каждый день.

Питался нормально один раз в день на работе - в столовой.

В апреле 1947 года нашу семью постигло большое горе: умер наш дорогой отец вследствие ран, полученных на фронте. Ему было всего 47 лет.

Я закончил второй курс института, остался работать на радиозаводе. Учебу в институте пока не возобновил.

Работа конструктора мне очень нравилась. Работы было много. [Детали] шли по военным заказам. Я работал за старшего конструктора.

В 1948 году для радиозавода был выстроен жилой комплекс, мне выделили в общежитии небольшую отдельную комнату.

Весной 1949 года мой брат Володя закончил 7 классов. В Свердловске я помог ему поступить в техникум, который окончил и я.

1949 год прошел спокойно. Я снова начал посещать вечернее отделение УПИ на Уралмаше, работал и учился.

В декабре 1949 года я узнал, что в УПИ начал работу новый факультет – физико-технический. Я обратился к ректору института с просьбой о приеме на этот факультет.

Мои друзья и знакомые знали, что я должен буду помогать брату и семье, уговаривали меня не поступать на дневное отделение института и ограничиться вечерним. Но я верил в свои силы и твердо решил учиться на физико-техническом факультете (ФТФ).

В конце августа 1950 года ректор подписал мое заявление.

Поскольку я окончил два курса вечернего института, взвесив все возможности, я попросил направить меня на второй курс.

После беседы с деканом, Евгением Ивановичем Крыловым, меня определили в группу, в которой я и начал учиться.

Итак, я стал студентом физико-технического факультета».

А теперь вернемся к рассказу о производственной и научной деятельности Николая Трофимовича на УЭЖК после защиты диплома инженера.

Из воспоминаний:

«...На комбинате меня направили в научно-исследовательский отдел (отдел 16).

Мне здесь уже была подготовлена работа по теме, которой я занимался в период дипломирования.

[Однако, в связи с производственной необходимостью], «...меня тут же перевели в конструкторский отдел (отдел 15).

На работе у меня было все хорошо. Как говорят, вписался в конструкторский коллектив.

Работы было много. Я часто в обеденный перерыв не ходил в столовую, а продолжал работать. Ограничивался бутербродами и чаем.

С февраля 1958 года, с учетом специальности по диплому, Николай Трофимович был переведен в качестве ведущего инженера в приборный отдел (отдел 17), где разработал и внедрил ряд насущно необходимых для комбината приборов контроля технологических параметров, в том числе один важный прибор для отдела 16.

В сентябре 1968 года Останина перевели в этот отдел на должность старшего инженера.

Он вспоминает:

«... Наконец, мое желание заняться научно-исследовательской работой стало реальностью».

Работу в новой должности я начал с командировки на завод электронных микроскопов. Мне надо было выбрать по тем временам современный просвечивающий электронный микроскоп и его заказать. Вернувшись из командировки, я занялся изучением аппаратуры электронно-микроскопического анализа и методов препарирования образцов. Для этого мною был спроектирован [специальный] станок и создан электролитический агрегат.

К моменту прибытия микроскопа вся вспомогательная аппаратура была готова. Я начал осваивать этот сложный электронный прибор.

Кроме необходимости, у меня был еще и большой интерес к работе, поэтому я работал допоздна.

Через полгода были получены первые результаты. Весьма эффективным оказалось применение электронно-микроскопических методов при разработке порошковых сплавов системы алюминий-цинк-медь с добавкой малорастворимых в алюминии элементов. [Были получены] ценные научные сведения о новом материале и [сформулированы] практические рекомендации [для] получения полуфабрикатов из нового сплава.

Помимо [этих работ], я проводил большой объем исследований экспертного характера. Так, мной была исследована и успешно применена электронно-микроскопическая фотография, позволяющая выяснить причину разрушения [материалов].

Все проведенные мною работы изложены в тридцати трех научно-исследовательских отчетах комбината, часть из них напечатана в сборнике ВИМИ НИОКГ 16012.

15 августа 1975 года меня перевели на должность руководителя группы структурного анализа.

С начальником лаборатории, Сергеем Николаевичем Новиковым, мы работали в тесном контакте. Он мне посоветовал полученные результаты исследований оформить в диссертационную работу.

Я решил оформлять и защищать диссертацию.

В январе 1980 года я подготовил диссертацию к защите.

Секция научно-технического совета УЭХК на своем заседании, отметив научную ценность и практическую полезность моей диссертации, рекомендовала ее к защите на специализированном ученом совете.

3 марта 1981 года состоялся объединенный семинар трех лабораторий Института физики металлов УРО РАН для обсуждения диссертации.

Я выступил с сообщением о диссертационной работе «Структура порошковых сплавов системы алюминий-цинк-магний-медь с добавками малорастворимых элементов (марганца, железа и циркония) и ее связь с прочностными свойствами».

В результате обсуждения семинар пришел к выводу, что диссертация имеет научную ценность, удовлетворяет всем требованиям и может быть рекомендована к защите на соискание научной степени.

25 июня 1982 года я без отрыва от основной работы защитил диссертацию в специализированном Совете Д 002.05.01 по присуждению ученых степеней при Институте физики металлов и стал кандидатом технических наук».

На этом воспоминания Николая Трофимовича Останина заканчиваются.

После защиты он продолжал трудиться в коллективе отд.16. Его стиль работы всегда отличали глубокие знания предмета, творческий подход и настойчивость в достижении поставленной цели. Ряд полученных им экспериментальных результатов был уникален для того времени.

За трудовые заслуги ему присвоено звание «Ветеран труда комбината», он награжден медалью «Ветеран труда СССР».

Без отрыва от основной работы он занимался преподавательской деятельностью в Новоуральском филиале Московского инженерно-физического института (МИФИ-2).

Наряду с научно-производственной деятельностью, Николай Трофимович много времени уделял общественной работе. Неоднократно избирался заместителем секретаря партийного бюро отд.16, теперь уже Центральной заводской лаборатории (ЦЗЛ). Возглавлял в ЦЗЛ Совет наставников и Совет ветеранов войны.

После ухода на заслуженный отдых в 1993 году Николай Трофимович проводил большую патриотическо-воспитательную работу с молодежью, с 1993 г. По 2012 г. Являлся членом Совета ветеранов ВОВ.

Он был замечательным отцом и дедом, вырастил и воспитал двух прекрасных сыновей, растут пять внуков и правнук. В 2012 году супружеская пара Останиных, Николай Трофимович и Галина Георгиевна, указом Губернатора Свердловской области отмечена знаком отличия «Совет да любовь».

Круг его интересов не замыкался трудовой и общественной деятельностью: он активно занимался садоводством, авто путешествиями с семьей, много читал. Даже в последние дни жизни продолжал читать любимого Некрасова и наизусть декламировал поэму Лермонтова «Мцыри».

Весь большой трудовой и боевой жизненный путь Н.Т. Останина – это неуклонное стремление пытливого, даровитого, работающего юноши из «глубинки» - к техническим и научным знаниям. Вопреки всему, он стал высококлассным специалистом, ученым-атомщиком, оставив свой след в отраслевой науке.

Защитник Отечества. Фронтовик. Патриот Родины.

Человек, без остатка отдавший себя людям, близким и дальним.

Человек цельный, глубоко порядочный, безукоризненно честный и перед другими, и перед самим собой.

Жизнелюб, искренне веривший в людей.

Человек, полностью СОСТОЯВШИЙСЯ.

Именно таким он был, таким и остался в нашей памяти – Николай Трофимович Останин.

Сокурсники по ФТФ

МУЖУ НА ДЕНЬ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЮ

Я написала для тебя стихи.
Которые написаны не кровью той войны,
А сердцем, отданным бойцу,
Кто не погиб и до сих пор в строю.
Не ведала, не знала я тогда,
Как тяжела была твоя судьба.
Я б постаралась быстро подрасти,
Чтобы хоть чуточку ту тяжесть поднести.
Как многие в 17 юных лет
Ты добровольцем прошагал весь белый свет:
На Западе, Востоке воевал,
Чтоб враг отчизну не топтал.
Чтоб выросли прекрасными сыны,
Чтоб людям горькие не снились сны,
Чтоб каждый год цвели сады,
Чтоб никогда не повторить жестокой той войны.
С тобой я вместе раны подлечу,
Возьму работу на себя, что по плечу,
И что ты жив – от радости кричу,
Счастливым видеть я тебя хочу.

Галина Георгиевна Останина